

Влияние корейских рабочих на развитие золотодобывающей промышленности Приморской области в конце XIX — начале XX в.

Бэ Соён,

ассистент профессора, Национальный университет Чоннам, Кванджу, Республика Корея.

E-mail: baeyang23@gmail.com

В статье рассматривается влияние корейских рабочих на развитие золото-промышленности Приморской области в конце XIX — начале XX в. На основе анализа обширной историографии, посвящённой исследованию добывающей промышленности на Дальнем Востоке, с привлечением архивных источников изучаются основные этапы развития золотодобывающей промышленности на Дальнем Востоке и роль в этом процессе корейских рабочих, чей труд был особенно востребован на золотых приисках горных участков Приморской области. Рассматриваются условия труда иностранных рабочих и размер их заработной платы. Особое внимание уделяется взаимоотношениям корейских рабочих с рабочими других национальностей, с предпринимателями и властными структурами. Прослеживается политика местных властей по отношению к иностранным рабочим, занятым в золотодобывающей промышленности. На основе архивных данных анализируется степень эффективности использования труда корейцев на золотых приисках и рудниках. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что, несмотря на непоследовательную политику местных властей в отношении выходцев из стран Юго-Восточной Азии, корейские переселенцы на Дальний Восток России способствовали развитию золотопромышленности в регионе в указанный период.

Ключевые слова: корейская иммиграция, корейские рабочие, золотопромышленность, экономическая история, Дальний Восток России.

Influence of Korean Workers on the Development of Gold Industry in the Primorye Province from the End of the Nineteenth Century to the Beginning of the Twentieth Century.

Bae Soyoun, Chonnam National University, Gwangju, Republic of Korea.

E-mail: baeyang23@gmail.com.

This paper analyzes the influence of Korean workers on the development of gold mining industry in the Primorye province from the end of the nineteenth century to the beginning of the twentieth century. Based on comprehensive historiography

about the studies on mining industry in the Far East and archive materials, the essential stages of the development of gold mining industry in the Far East and the role of Korean workers in this process are explored. Korean workers were especially in demand in gold fields of mining areas in the Primorye Province. The working conditions of foreign workers and their wages are examined. Special emphasis is given to the relations between Korean workers and the workers of other nationalities, the employers and bodies of government. The policy of local authorities towards the foreign workers in gold industry is observed. The efficiency level of employment of Korean workers in gold fields and mines is analyzed according to the archive data. The author concludes that Koreans contributed to the development of gold industry in the region in this period despite inconsistent policy of local authorities towards the immigrants from the Southeast Asian Countries.

Keywords: Korean immigration, Korean workers, gold industry, economic history, Far East of Russia.

Впервые годы закрепления Российской империи на Дальнем Востоке царское правительство почти не могло найти желающих переехать на юг региона. Это было связано как с действием крепостного права и установлением затем выкупных платежей, ограничивших свободу перемещения крестьян, так и с отсутствием знаний о крае и его особенностях. Необходимость освоения территорий потребовала от царского правительства создания благоприятных условий для привлечения в регион переселенцев из западных областей России и сопредельных государств: Китая, Кореи, Японии. Выходцы из стран Юго-Восточной Азии, прибывшие на российский Дальний Восток в поисках работы (китайские мигранты) или нового места жительства (выходцы из Кореи), приняли активное участие в экономическом развитии региона.

Историография проблемы возникновения и развития золотодобычи в Сибири весьма обширна. В исследованиях Н.Д. Овсянниковой [23], С.Ф. Хроленок [25] проанализирован процесс становления золотодобывающей промышленности в дореволюционной Восточной Сибири. Однако диссертации указанных авторов были защищены в 1960—1970-х гг., в связи с чем объективность изложенных событий была искажена в угоду идеологическим установкам того времени. Работы В.М. Лыскова [11], М.А. Винокурова [4] описывают зарождение золотодобычи в Зауралье и Забайкалье. Общие проблемы формирования и функционирования золотодобывающей промышленности освещены в трудах Н.А. Марковой [12] и Э.Э. Арнет [2] и др. Отдельные аспекты деятельности иностранных рабочих в дореволюционный период рассмотрены в работах С.Н. Мищук [13], Л.И. Галлямовой [5], О.П. Федирко [24] и др. Однако изучению роли корейцев как иностранной рабочей силы в золотодобывающей промышленности на сегодняшний день уделено незначительное внимание. Частично эта проблема затрагивается только в трудах Л.В. Ивановой [7] и И.А. Толстокулакова [9] и поэтому, на наш взгляд, требует более детального освещения.

Настоящее исследование ставит своей целью оценить эффективность привлечения корейских рабочих на предприятия в процессе становления и развития дальневосточной золотодобывающей промышленности и степень влияния корейской диаспоры на отдельные аспекты социально-экономического развития региона.

Актуальность данного исследования определяется тем, что анализ опыта привлечения иностранных рабочих необходим для объективного изучения экономической составляющей прошлых эпох в теоретическом и практическом аспектах.

Уже в начале освоения Южно-Уссурийского края переселенцы обнаружили залежи разнообразных полезных ископаемых: угля, железных, серебряных и свинцовых руд и т.д. В конце XIX в. на Дальнем Востоке начинает бурно развиваться горная промышленность. В ряду прочих округов Восточной Сибири Приморский горный округ оказался самым молодым и одним из самых перспективных, поскольку имел благоприятные для развития золотодобывающей промышленности географические и климатические условия.

В 1867 г. было найдено рудное золото на о. Аскольд (здесь возник прииск Основательный, который разрабатывался с перерывами до 1912 г.), в конце века — на материке, в районе Находки, где добыча велась в небольших размерах и носила неустойчивый характер. В 1892 г. в Приморской области действовало три золотых прииска, где трудилось 885 рабочих, которыми было добыто 37 пудов 10 фунтов золота [14, с. 16]. В 1893 г. число золотых приисков увеличилось до четырёх с общей численностью рабочих 1183 чел., добытое золото составило 70 пудов 39 фунтов [16, с. 37]. Золотые прииски также были сосредоточены в Удском округе. К концу XIX в. их число достигло 20, а количество рабочих — 2394 чел., было добыто 149 пудов 14 фунтов золота [15, с. 14]. Одной из причин быстрых темпов развития золотых приисков в Приморье являлось использование иностранных, в частности корейских, рабочих.

На начальном этапе становления золотодобычи на Дальнем Востоке работа велась отдельными золотарями-старателями или малыми группами по 3—5 чел., использовавшими примитивные орудия труда. В документах того времени такая форма добычи золота называлась «хозяйской». При таких условиях открывали только мелкие россыпи, расположенные недалеко от поверхности или имеющие на неё выход [11, с. 36].

К концу XIX в. на приисках Приморской области доминирующей формой разработки стала старательская работа. При таком способе весь риск лежал на предпринимателях — владельцах золотых приисков. Они не могли рассчитывать ни на финансовую помощь государства, ни на защиту полиции от посягательств бандитов. Старатели сами подготавливали участки, нанимали рабочих. Добытое ими золото продавалось через конторы крупных приисков по цене от 1 руб. 15 коп. за золотой песок и до 2 руб. 40 коп. за самородок. Сверхприбыли старательские работы не приносили, но и убыточными являлись чрезвычайно редко. Таким образом, предприниматели имели стабильный небольшой доход, позволявший оплачивать текущие расходы, труд наёмных рабочих и вкладывать деньги в разработку новых месторождений. Среднесуточный заработок старателя за шесть месяцев

работы составлял 1 руб. 50 коп. По меркам того времени он являлся достаточно скромным и не устраивал русских рабочих, но был приемлем для иностранцев. Поэтому с целью сокращения расходов владельцы приисков набирали для разработки золотых месторождений преимущественно иностранцев, чаще всего корейцев.

Впервые на золотых приисках корейские рабочие в качестве прислуги появились в конце 1880-х гг. [8, с. 142]. Позже их начали привлекать в качестве чернорабочих, что оказалось напрямую связано с формой разработки золотых месторождений.

Первые корейские рабочие появились в Приморском горном округе на Степано-Дмитрие-Харлампиевском прииске в 1894 г. [15, с. 2]. В 1900 г. на прииски Дальнего Востока было нанято около 3 тыс. корейцев. Одна половина из них работала в Амурской области, другая — в Приморском горном округе [8, с. 142]. В последующие годы численность корейских рабочих постоянно увеличивалась. В 1905 г. корейцы составляли 66,97% из общего числа рабочих приисков [17, с. 75], в 1906 г. — 74,71% [18, с. 109].

В начале XX в. перед золотодобывающей промышленностью встала новая проблема. Очень многие из заявленных и определённых под золотые прииски участков не разрабатывались, так как для их эксплуатации требовались дорогие машины. Предприниматели вели розыск месторождений, разработка которых была возможна исключительно старательскими артелями. Но к этому времени такие места стали открывать всё реже.

Добыча золота в Приморской области стала неуклонно сокращаться. Причинами этого явились общее снижение содержания золота, усиленная эксплуатация бедных площадей и обеднение месторождений, влияние Русско-японской войны, строительство железной дороги, на которое отвлекалась часть рабочей силы и предпринимателей, и т.д. [4, с. 30]. Эти обстоятельства повлекли за собой необходимость изменить методы добычи золота.

Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер нашёл решение — применять драги на крупных месторождениях. По его указу владельцы золотых приисков должны были перейти на дражные работы. При использовании этого способа, благодаря сравнительно малым затратам (до 100 р.), планировалось повысить производительность труда (промыть 70 кубов породы в сутки при 30 рабочих) и оправдать значительный расход золотопромышленников, достигавший 15 000 руб. с добытого пуда золота при максимальной стоимости такого в 18 000 руб. за пуд.

Дражные работы были организованы на одном из приисков Амгунской К^о «Гонгрень», и, несмотря на недоброкачественное оборудование, результаты были блестящими. Поэтому и Амгунская К^о выписала себе вторую, усовершенствованную драгу. Особенностью дражных работ была «сравнительно небольшая затрата до 120 тысяч круглые сутки работы, при самом малом количестве рабочих (32 чел.)» [20, с. 19].

Предполагалось, что с введением дражных работ сами собой исчезнут старательские артели. На некоторых приисках начали производить опыты с драгами и экскаваторами, а также вскрывать торфы гидравлическим способом. Использование драг при большей производительности требовало

гораздо меньшего числа рабочих, что, по мнению П.Ф. Унтербергера, в экономическом отношении имело чрезвычайно важное значение, так как расходы на содержание рабочих значительно уменьшались.

Но ничего не получилось: производительность золотых приисков, вопреки ожиданиям П.Ф. Унтербергера, не возросла, а, наоборот, упала. Добыча на приисках и рудниках Приморского и Уссурийского горных округов была незначительной, а разрабатываемые месторождения имели низкое содержание и малые запасы золота [4, с. 31].

Большая часть предпринимателей придерживалась старых методов работы, считая затраты на покупку дорогостоящего оборудования необоснованными и неэффективными. Труд иностранных рабочих был по-прежнему выгоден для них и позволял даже на скудных участках добывать количество золота, необходимое для покрытия расходов.

Увеличение числа иностранцев беспокоило администрацию Приморской области. П.Ф. Унтербергер, считавший главной целью проводимой внутренней и внешней политики на Дальнем Востоке защиту границы и приграничных земель от влияния других стран, установил правило, ограничивающее наём на золотые промыслы в пределах Амурской и Приморской областей иностранцев. Суть этого правила была сформулирована в Горном уставе (ст. 5, прим. 2, прил. к ст. 661 Уст. Горн., по прод. 1906 г.) и запрещала нанимать на работу представителей одной нации — китайцев [21, с. 23]. Выдвигалось требование допускать других иностранцев, кроме китайцев, только по специальному разрешению Приамурского генерал-губернатора.

Введение этого запрета объяснялось тем, что русские рабочие, как указывалось выше, неохотно шли на прииски, и это привело к монополизации труда китайцами. Преобладание представителей этой национальности на приисках порождало хищение золота, в результате чего снижался уровень его добычи. Эту проблему можно было устранить, только разрешив допускать к работам их соперников, а именно корейцев, которых устраивали и условия труда, и заработной платы.

До введения запрета использования корейского труда на приисках они получали от 2 до 2,5 руб. в день, работая в артелях по 10—15 чел. [6, с. 149]. С учётом отсутствия работы и доходов в Корею такой заработок являлся хорошим стимулом к конкуренции на рынке труда России. Встречались русско-корейские артели, чего не было между русскими и китайцами. Производительность корейцев была на 25—30% ниже, чем у русских [6, с. 150], но настолько же выше, чем у китайцев. В пьянстве, опикуении, азартных играх, воровстве и убийствах корейцы замечались редко, что также отличало их от китайцев [10, с. 32].

Однако позже на Дальнем Востоке было введено масштабное ограничение на использование «жёлтого труда», которое в первую очередь коснулось корейцев. Если в 1906 г. на приисках Приморья работало 74,7% корейцев (от общего числа рабочих), которыми было добыто 43 пуда 30 фунтов золота [18, с. 109], то в 1907 г. число корейских рабочих снизилось до 66,6%, а количество добытого ими металла сократилось почти в половину — до 28 пудов 13 фунтов [19, с. 74].

В 1908 г. по распоряжению Приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергерера корейцам было запрещено работать на золотых приисках края. Только в 1909 г. с мест добычи золота в Амурской и Приморской области было выселено около 7 тыс. корейцев [9, с. 142].

К 1912 г. число корейцев продолжило уменьшаться и составило 29% от общего числа рабочих на приисках. В то же время добыча золота упала до 26 пудов 13 фунтов [21, с. 107]. Сокращение числа корейских рабочих совпало с увеличением числа китайцев, нанятых для труда на приисках. В 1906 г. они составляли 19% от общего числа рабочих [18, с. 109], а в 1913 г. — 67% [22, с. 95].

Таким образом, несмотря на сокращение численности корейских рабочих, общее количество занятых на приисках не изменилось. Это позволяет сделать предположение, что замещение корейских рабочих китайскими привело к снижению производительности золотых приисков Приморской области.

Опыт применения закона показал его слабую эффективность. В первую очередь против него резко выступили горнозаводчики. Это обстоятельство, широко обсуждавшееся в предпринимательской среде, инициировало заседание Комитета по заселению Дальнего Востока, состоявшееся 4 февраля 1911 г. Главной темой обсуждения стала необходимость допуска корейцев к работе на золотых приисках и создания условий для принятия их в русское подданство [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 640. Л. 242]. В ходе обсуждения было признано, что использование труда корейских рабочих является эффективным и востребованным на предприятиях Дальнего Востока.

В 1911 г. корейцев вновь допустили к добыче золота. И уже в этом году на приисках Приморского горного округа работали 1395 корейцев. В 1913 г. их там насчитывалось 1669, в 1914 г. — 1730, а в 1915 г. — уже 2117. В ряде случаев правительство само вынуждено было прибегать к найму корейцев. Так, после забастовки и расстрела рабочих на Лене в 1912 г. предприятие «Лензолото» с разрешения правительства завезло на прииски свыше 1500 корейцев и китайцев [20, с. 70].

Тем не менее число корейских рабочих в золотодобывающей промышленности в предвоенный период увеличивалось медленнее, чем в конце XIX — первые годы XX в. Это было связано, во-первых, с тем, что вытесненные с приисков корейские рабочие нашли себе применение в других сферах экономики, а во-вторых, с проходившим в рассматриваемый период процессом модернизации и укрупнения предприятий, добывающих золото, что привело к ликвидации старательских артелей.

В ходе Первой мировой войны крупные заказы интендантства стимулировали развитие военных заводов и мастерских, мукомольной и рыбной промышленности. В то же время в результате уменьшения количества рабочих, связанного с мобилизацией, наблюдался спад в золотодобывающей промышленности, для поддержания жизнедеятельности которой вновь активно привлекались корейцы, и в 1915 г. на приисках только Приморского горного округа их работало уже 2117 [3, с. 8].

Предпочтение, которое российские предприниматели при найме в старательские общины отдавали корейцам перед китайскими рабочими, имело несколько объяснений:

Во-первых, корейцы, особенно нелегалы, нанимались на работу без контракта; платили им не по строго установленной таксе, а сколько вздумается нанимателю.

Во-вторых, в силу особенностей этнической психологии и национального характера корейцы были не только чрезвычайно трудолюбивы и работоспособны, но смиренны и послушны.

В-третьих, как отмечали чиновники русской администрации, «корейцы часто нанимаются на работу со своей провизией, т.е. сдают в амбар известное количество припасов по определённой цене, а затем выбирают те же припасы из амбара по значительно повышенной цене» [3, с. 23].

В-четвёртых, в силу особенностей национального рациона питания, а именно ежедневного потребления большого количества овощей и свежеприготовленных (перед подачей на стол) блюд, корейцы и на приисках старались обустроить огороды, выращивая корейскую капусту, чеснок, редиску, картофель и др., тем самым снимая с администрации заботу о снабжении рабочих свежей зеленью и овощами. Кроме того, корейцы, работавшие на приисках, снабжали продукцией с таких огородов жителей таёжной глубинки, в первую очередь, близлежащих поселений, причём по довольно низким ценам. Так, в Николаевке стоимость одной сотни огурцов упала с 1 руб. 20 коп. до 20—25 коп., а картофеля — с 1 руб. 20 коп. до 20—30 коп. [3, с. 24]. Современники отмечали, что благодаря появлению корейцев на приисках в тайге стали развиваться полеводство и огородничество, которые значительно облегчили жизнь местного населения. Видя для себя прямую выгоду, администрация предприятий, в первую очередь золотопромышленных, стала снабжать корейских рабочих семенами и отводить им под огороды торфяные отвалы [1, с. 138].

Таким образом, в процессе зарождения и развития золотодобывающей промышленности на Дальнем Востоке предприниматели и правительство сталкивались с множеством проблем, среди которых одной из самых острых была проблема обеспечения этой отрасли работниками. На начальном этапе золотодобыча велась старателями-одиночками или малыми группами по 3—5 чел., использовавшими примитивные орудия промысла. Позже эта малоэффективная форма добычи была заменена организацией старательских групп, работавших на приисках. С целью сокращения расходов владельцы предпочитали набирать дешёвую рабочую силу, преимущественно иностранцев, чаще всего корейцев. Корейские рабочие, по мнению работодателей, имели значительное преимущество перед другими иностранцами, прежде всего китайцами. За короткий срок занятость корейцев на золотых приисках Дальнего Востока достигла около 75% от общего числа рабочих. В середине 1910-х гг. по распоряжению Приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера в золотодобывающей промышленности были начаты реформы, в том числе исключавшие использование труда корейских

рабочих. Однако предприниматели-горнозаводчики доказали правительству эффективность «корейского» труда и отстаивали своё право на найм именно представителей корейской диаспоры. В процессе адаптации к новым условиям корейцы влияли на жизнь местных поселенцев, в том числе в тех районах, где велась добыча золота. Во многом благодаря этому здесь начали развиваться полеводство и огородничество, которые в дальнейшем стали неотъемлемой частью экономической жизни дальневосточного населения.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Авилова И.К. Участие корейцев в хозяйственной колонизации юга Дальнего Востока России во второй половине XIX — начале XX в. (некоторые аспекты проблемы) // История российско-корейских отношений на Дальнем Востоке / отв. ред. И.А. Толстоулаков. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. С. 111—142.
2. Анерт Э.Э. Богатства недр Дальнего Востока. Хабаровск; Владивосток, 1928. 540 с.
3. Аносов С.Д. Корейцы в Уссурийском крае. Хабаровск; Владивосток, 1928. 92 с.
4. Винокуров М.А. Освоение золотопромышленных районов Зауралья (XVIII — начало XX в.) // Вестник ИГЭА. 1997. № 12. С. 29—34.
5. Галлямова Л.И. Рабочее движение на Дальнем Востоке России во второй половине XIX — начале XX в. Владивосток: Дальнаука, 2004. 192 с.
6. Граве В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье: Отчёт уполномоченного М-ва ин. дел В.В. Граве. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1912. 489 с. (Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. XI).
7. Иванова Л.В. Вклад корейцев в развитие Дальнего Востока России // Власть и управление на Востоке России. 2007. № 1. С. 188—194.
8. Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / гл. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 2. 701 с.
9. История российско-корейских отношений на Дальнем Востоке / отв. ред. И.А. Толстоулаков. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. 200 с.
10. Ли Е.Л. «Жёлтая угроза» или «жёлтый вопрос» в трудах Амурской экспедиции 1910 г. // Ойкумена. 2010. № 3. С. 29—40.
11. Лысков В.М. Зарождение и развитие частной золотопромышленности в Забайкалье и на Дальнем Востоке // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2003. № 3—4. С. 36—42.
12. Маркова Н.А. Состояние золотодобывающей промышленности накануне и в годы Первой мировой войны: дискуссии по вопросам выхода её из кризиса // Власть и управление на Востоке России. 2007. № 3. С. 67—75.
13. Мищук С.Н. Влияние иностранной рабочей силы на социально-экономическое развитие Дальнего Востока России (середина XIX — начало XXI вв.) // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 1. С. 91—104.
14. Обзор Приморской области за 1892 г. Владивосток: Тип. Приморск. обл. правления, 1893. 47 с., 8 л. табл.
15. Обзор Приморской области за 1894 г. Владивосток: Тип. Приморск. обл. правления, 1895. 51 с., 8 л. табл.
16. Обзор Приморской области за 1899 г. Владивосток: Тип. Приморск. обл. правления, 1901. 96 с., 13 л. табл.
17. Обзор Приморской области за 1905 г. Владивосток: Тип. Приморск. обл. правления, 1906. 33 с., 86 л. табл.
18. Обзор Приморской области за 1906 г. Владивосток: Тип. Приморск. обл. правления, 1907. 49 с., 86 л. табл.

19. Обзор Приморской области за 1907 г. Владивосток: Тип. Приморск. обл. правления, 1908. 35 с., 58 л. табл.
20. Обзор Приморской области за 1909 г. Владивосток: Тип. Приморск. обл. правления, 1912. 51 с., 53 л. табл.
21. Обзор Приморской области за 1912 г. Владивосток: Тип. Приморск. обл. правления, 1913. 146 с.
22. Обзор Приморской области за 1913 г. Владивосток: Тип. Приморск. обл. правления, 1914. 130 с.
23. Овсянникова Н.Д. Развитие золотодобывающей промышленности Восточной Сибири в эпоху капитализма: 1861—1914 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1964. 25 с.
24. Федирко О.П. Колонизационная политика на Дальнем Востоке во второй половине XIX — начале XX вв. // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времён до начала XX века): материалы междунар. науч. конф. (Благовещенск, 17—18 мая 2004). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. С. 325—328.
25. Хроленок С.Ф. Развитие золотодобывающей промышленности Восточной Сибири и Дальнего Востока (1832—1917): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1973. 46 с.
26. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

REFERENCES

1. Avilova I.K. Uchastie koreytssev v khozyaystvennoy kolonizatsii yuga Dal'nego Vostoka Rossii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v. (nekotorye aspekty problemy) [Participation of Koreans in Agricultural Colonization in the South of the Russian Far East from the Second Half of the Nineteenth Century to the Early Twentieth Century (Some Aspects of the Issue)]. *Istoriya rossiysko-koreyskikh otnosheniy na Dal'nem Vostoke* [The History of the Russian-Korean Relations in the Far East]. Executive ed. I.A. Tolstokulakov, Vladivostok, Izd-vo Dal'nevost. un-ta Publ., 2001, pp. 111—142. (In Russ.)
2. Anert E.E. *Bogatstva nedr Dal'nego Vostoka* [Mineral Resources in the Far East]. Khabarovsk, Vladivostok, 1928, 540 p. (In Russ.)
3. Anosov S.D. *Koreytsy v Ussuriyskom krae* [Koreans in the Ussuri Region]. Khabarovsk, Vladivostok, 1928, 92 p. (In Russ.)
4. Vinokurov M.A. Osvoenie zolotopromyshlennykh rayonov Zaural'ya (XVIII — nachalo XX v.) [The Development of Gold Mining Areas in the Trans-Urals (the Eighteenth Century — the Early Twentieth Century)]. *Vestnik IGEA*, 1997, no. 12, pp. 29—34. (In Russ.)
5. Gallyamova L.I. *Rabochee dvizhenie na Dal'nem Vostoke Rossii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v.* [Working Movement in Far East of Russia from the Second Half of the Nineteenth Century to the Early Twentieth Century]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2004, 192 p. (In Russ.)
6. Grave V. *Kitaytsy, koreytsy i yaponsy v Priamur'e: Otchet upolnomochennogo M-va in. del V.V. Grave* [Chinese, Koreans and Japanese in the Priamur Region. The Report of the Representative of the Ministry of Foreign Affairs, V.V. Grave]. Saint Petersburg, Tipografiya V.F. Kirshbauma Publ., 1912, 489 p. (Trudy komandirovannoy po vysochayshemu poveleniyu Amurskoy ekspeditsii. Vyp. XI) [Proceedings of the Amur Expedition. Iss. 11]. (In Russ.)
7. Ivanova L.V. Vklad koreytssev v razvitie Dal'nego Vostoka Rossii [Contribution of Koreans to the Development of the Russian Far East]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*, 2007, no. 1, pp. 188—194. (In Russ.)
8. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri: v 3 t.* [Historical Encyclopedia of Siberia. In 3 vol.]. Ed.-in-chief V.A. Lamin. Novosibirsk, Ist. nasledie Sibiri Publ., 2009, vol. 2, 701 p. (In Russ.)

9. *Istoriya rossiysko-koreyskikh otnosheniy na Dal'nem Vostoke* [The History of the Russian-Korean Relations in the Far East]. Executive ed. I.A. Tolstokulakov, Vladivostok, Izd-vo Dal'nevost. un-ta Publ., 2001, 200 p. (In Russ.)
10. Li E.L. "Zheltaya ugroza" ili "zheltyy vopros" v trudakh Amurskoy ekspeditsii 1910 g. [The "Yellow Threat" or the "Yellow Question" in the Proceedings of the Amur Expedition of 1910]. *Otkumena*, 2010, no. 3, pp. 29—40. (In Russ.)
11. Lyskov V.M. Zarozhdenie i razvitie chastnoy zolotopromyshlennosti v Zabaykal'e i na Dal'nem Vostoke [The Origin and Development of Private Gold Mining Industry in the Trans-Baikal and in the Far East]. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii*, 2003, no. 3—4, pp. 36—42. (In Russ.)
12. Markova N.A. Sostoyanie zolotodobyvayushchey promyshlennosti nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny: diskussii po voprosam vykhoda ee iz krizisa [The State of the Gold Industry before and during the First World War: Discussions about Its Crisis Recovery]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*, 2007, no. 3, pp. 67—75. (In Russ.)
13. Mishchuk S.N. Vliyanie inostrannoy rabochey sily na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Dal'nego Vostoka Rossii (seredina XIX — nachalo XXI vv.) [The Influence of Foreign Workforce on the Socioeconomic Development of the Russian Far East (the Middle of the Nineteenth Century — the Early Twenty-First Century)]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2013, no. 1, pp. 91—104. (In Russ.)
14. *Obzor Primorskoj oblasti za 1892 g.* [Review of the Primorye Province, 1892]. Vladivostok, Tip. Primorsk. obl. pravleniya Publ., 1893, 47 p., tables 8 p. (In Russ.)
15. *Obzor Primorskoj oblasti za 1894 g.* [Review of the Primorye Province, 1894]. Vladivostok, Tip. Primorsk. obl. pravleniya Publ., 1895, 51 p., tables 8 p. (In Russ.)
16. *Obzor Primorskoj oblasti za 1899 g.* [Review of the Primorye Province, 1899]. Vladivostok, Tip. Primorsk. obl. pravleniya Publ., 1901, 96 p., tables 13 p. (In Russ.)
17. *Obzor Primorskoj oblasti za 1905 g.* [Review of the Primorye Province, 1905]. Vladivostok, Tip. Primorsk. obl. pravleniya Publ., 1906, 33 p., tables 86 p. (In Russ.)
18. *Obzor Primorskoj oblasti za 1906 g.* [Review of the Primorye Province, 1906]. Vladivostok, Tip. Primorsk. obl. pravleniya Publ., 1907, 49 p., tables 86 p. (In Russ.)
19. *Obzor Primorskoj oblasti za 1907 g.* [Review of the Primorye Province, 1907]. Vladivostok, Tip. Primorsk. obl. pravleniya Publ., 1908, 35 p., tables 58 p. (In Russ.)
20. *Obzor Primorskoj oblasti za 1909 g.* [Review of the Primorye Province, 1909]. Vladivostok, Tip. Primorsk. obl. pravleniya Publ., 1912, 51 p., tables 53 p. (In Russ.)
21. *Obzor Primorskoj oblasti za 1912 g.* [Review of the Primorye Province, 1912]. Vladivostok, Tip. Primorsk. obl. pravleniya Publ., 1913, 146 p. (In Russ.)
22. *Obzor Primorskoj oblasti za 1913 g.* [Review of the Primorye Province, 1913]. Vladivostok, Tip. Primorsk. obl. pravleniya Publ., 1914, 130 p. (In Russ.)
23. Ovsyannikova N.D. *Razvitie zolotodobyvayushchey promyshlennosti Vostochnoy Sibiri v epokhu kapitalizma: 1861—1914 gg.*: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [The Development of Gold Industry in Eastern Siberia during the Capitalism Period: 1861—1914. PhD Dissertation Abstract in History]. Irkutsk, 1964, 25 p. (In Russ.)
24. Fedirko O.P. Kolonizatsionnaya politika na Dal'nem Vostoke vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv. [Colonization Policy in the Russian Far East from the Second Half of the Nineteenth Century to the Early Twentieth Century]. *Migratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke (s drevneyshikh vremen do nachala XX veka)*: materialy mezhdunar. nauch. konf. (Blagoveshchensk, 17—18 maya 2004) [Migration Processes in the Far East (from the Earliest Times until the Early Twentieth Century): Proceedings of the International Scientific Conference (Blagoveshchensk, 17—18 May 2004)]. Blagoveshchensk, Izd-vo BGPU Publ., 2004, pp. 325—328. (In Russ.)
25. Khrolenok S.F. *Razvitie zolotodobyvayushchey promyshlennosti Vostochnoy Sibiri i Dal'nego Vostoka (1832—1917)*: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [The Development of Gold Industry in Eastern Siberia and the Far East (1832—1917). DSc Dissertation Abstract in History]. Irkutsk, 1973, 46 p. (In Russ.)